

ISSN 0131-6095

Русская литература

12

2023

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

Русская литература

№ 2

Историко-литературный журнал

2023

Издаётся с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
М. А. Федотова. Гимнографические сочинения Дмитрия Ростовского (вопросы атрибуции)	5
Н. Ю. Алексеева, А. Ю. Соловьев. О становлении новой русской литературы в первую треть XVIII века	17
ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ	
М. А. Фролов, Н. К. Гудзий в Государственной Академии Художественных Наук: к истории сотрудничества. Часть 1: 7 мая 1923 года — 28 мая 1924 года	29
ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ	
Ф. Н. Веселов. Падение Иерусалима и Повесть о взятии Киева в 1240 году: литература и история	51
А. М. Петров. «Красуйся, Петрозаводск, в славе сей!»: стихотворения Т. В. Баландина в контексте русской поэтической традиции XVIII века	62
С. Б. Федотова. Заметки А. С. Пушкина для первых номеров «Литературной газеты» (к проблеме датировки)	73
Н. А. Паршукова, Е. А. Романова. «Вечная тьма» Себастьяна Баха: расплата или расправа? (к истокам идейного замысла новеллы В. Ф. Одоевского «Себастьян Бах»)	79
Е. И. Вожик. Альманах в эпоху журналов: «Дагеротип» (1842) Н. В. Кукольника	89
В. П. Трыков. Русская литература, Россия и русские в статьях И. Делава для журнала «Revue des Deux Mondes»	99
Е. М. Филиппова. Об источниках образа волка-нигилиста в романе И. А. Гончарова «Обрыв»	112
А. Н. Розов. Образ дьякона в русской литературе второй половины XIX — начала XX века в оценке церковной журналистики	118
В. А. Лукина, В. И. Симанков. Неизвестный перевод И. С. Тургенева: «дело Сомова» в русской и иностранной периодике 1879 года	129
Приложение. Русская печать о «деле Сомова»	152
Т. В. Мисникевич, А. С. Александров. А. А. Измайлов и И. И. Ясинский: эпистолярный диалог	157
Приложение. И. И. Ясинский. Памяти Александра Алексеевича Измайлова	167
Н. Ю. Грякалова. К разрешению одного текстологического казуса (неизвестное письмо А. А. Блока к Д. Н. Фридбергу)	168

Е. Н. Филиппов (<i>Словакия</i>). «Красный смех» «Царя Голода»: миграция и трансформация художественных образов в творчестве Л. Н. Андреева 1900-х годов	174
Е. Р. Обатнина . Вокруг книги «Посолонь»: сказка «Ночь темная» в контексте петербургских встреч А. М. Ремизова и М. В. Сабашниковой	180
Письма В. П. Свенцицкого к Д. С. Мережковскому и З. Н. Гиппиус (вступительная статья, подготовка текста и комментарии М. М. Павловой)	191
Е. А. Глуховская . Из истории литературной борьбы 1907–1908 годов: журнал «Русский артист»	205
В. Б. Зусева-Озкан . Э. Ростан и <i>романтическое</i> в творчестве М. И. Цветаевой	214
Е. И. Погорельская . Рассказы И. Э. Бабеля «Мой первый гонорар» и «Справка»: к истории текста	233
Приложение. И. Э. Бабель . Мой первый гонорар	236
А. А. Кобринский . «Дорогой Никандр Андреевич...»: к биографии Н. А. Тювелева	239
Юань Мяосуй (<i>КНР</i>). Китайская судьба творчества Б. Л. Пастернака (рецепция и переводы)	250

ЗАМЕТКИ

О. В. Макаревич . Почему нельзя ходить по чужим следам? (о литературном контексте «Необыкновенной истории» И. А. Гончарова)	259
--	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Ирэн Зохраб (<i>Новая Зеландия</i>). Изучение творчества Ф. М. Достоевского в англоязычных вузах	263
А. М. Грачева . «Верил в красивый вымысел, предпочитая ему жестокую правду жизни...»	269
Е. Е. Дмитриева . Русско-немецкое зазеркалье в интерпретации К. М. Азадовского	271

ХРОНИКА

Н. Г. Комелина . Всероссийская научная конференция «Русский Север: Традиции. Преемственность. Память»	278
П. В. Бояркина . Третьи Международные Набоковские чтения	281
В. В. Есипов, Т. В. Игошева . Международная научная конференция «В. Т. Шаламов и русская литература»	283
Э. К. Александрова . Международная научная конференция «Критики и писатели: формирование литературной репутации в конце XIX — начале XX вв.»	286
Г. В. Петрова . Международная научная конференция «Миры Михаила Кузмина: к 150-летию со дня рождения»	289
Summaries	292

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

Редакционный совет:

*М. ГАРДЗАНИТИ, С. ГАРДЗОНИО, Ж. Ф. ЖАККАР, ЛЮ ВЭНЬФЭЙ,
ДЖ. МАЛМСТАД, Ж. НИВА, М. Б. ПЛЮХАНОВА, ДЖ. СМИТ, Р. Д. ТИМЕНЧИК,
Р. ХЁДЕЛЬ, Т. В. ЦИВЬЯН, В. ШМИД*

Главный редактор *В. Е. БАГНО*

Редакционная коллегия:

*М. Л. АНДРЕЕВ, М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Е. Г. ВОДОЛАЗКИН, В. В. ГОЛОВИН,
А. М. ГРАЧЕВА, И. Ф. ДАНИЛОВА (зам. главного редактора), Е. Е. ДМИТРИЕВА,
Н. Н. КАЗАНСКИЙ, А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН, А. Ф. НЕКРЫЛОВА,
С. И. НИКОЛАЕВ, Г. В. ОБАТНИН, М. В. ОТРАДИН, А. А. ПАНЧЕНКО,
В. В. ПОЛОНСКИЙ, А. Л. ТОПОРКОВ, Т. С. ЦАРЬКОВА*

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru

© Российская академия наук, 2023
© Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН, 2023
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская литература», 2023

палитре, мотивах огня и пожара, в образах панического страха и связанных с ними крика и хаотичного передвижения (метания), в образах музыки и света, вставании на колени и т. д. Генетическое родство художественных образов проявляется на идейном, мотивном, стилистическом и лексическом уровнях.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-180-190

© Е. Р. Обатнина

ВОКРУГ КНИГИ «ПОСОЛОНЬ»: СКАЗКА «НОЧЬ ТЕМНАЯ» В КОНТЕКСТЕ ПЕТЕРБУРГСКИХ ВСТРЕЧ А. М. РЕМИЗОВА И М. В. САБАШНИКОВОЙ

В биографии Алексея Михайловича Ремизова (1877–1957) с именем Маргариты Васильевны Сабашниковой (1882–1973) устойчиво связывается начало иконографии писателя, которое было положено графической работой молодой художницы, запечатлевшей необычный образ «восходящей звезды» русского символизма.¹ В известной книге Сабашниковой «Зеленая Змея: история одной жизни»,² ставшей ценным источником исследовательских реконструкций литературного быта и умонастроений первых десятилетий XX века, представлен и литературный портрет Ремизова, отобразивший его личность на момент знакомства осенью 1906 года. Опираясь на содержательные впечатления мемуаристики, мы намерены в нескольких эпизодах конкретизировать мотивы взаимного интереса писателя и художницы и в русле сложившегося к настоящему времени в научной литературе осмысления символистского мифотворчества и жизнестроительства описать оставшийся незамеченным случай переноса логики мифа на события реальной жизни. В центре нашего внимания окажутся события 1906–1907 годов, получившие отражение в некоторых, как может показаться, незначительных документах литературного быта.

Ко времени первой встречи с Ремизовым, состоявшейся в десятых числах октября 1906 года,³ Сабашникова, во многом благодаря влиянию ее мужа М. А. Волошина, уже не ограничивалась самовыражением в области изобразительного искусства, но также «пробовала перо» в поэзии и прозе. Ремизов в это время подготовил к изданию книгу сказок «Посолонь», двенадцать новелл из которой с конца июля печатались на страницах журнала «Золотое руно». Новая проза, основанная на образах русского фольклора, не только существенно изменила его творческое реноме, но и утвердила в статусе писателя-символиста, черпающего вдохновение в фольклорно-мифологической традиции.⁴ Воспоминания Сабашниковой воссоздают атмосферу бесед с Ремизовым, обращенных к образам фольклорного бестиария. В частности, художницу интересовал вопрос: «как может выглядеть кикимора — женский стихийный дух, которым пугают

¹ О портрете работы Сабашниковой см.: *Розанов Ю. В.* «Лик творчества» писателя А. М. Ремизова // *Вестник Вологодского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные, общественные, педагогические науки.* 2017. № 1 (4). С. 58–63; *Обатнина Е. Р.* Портрет писателя: взгляд извне и самоотжествление героя (Алексей Ремизов в художественной галерее 1906–1910 гг.) // «Учителя, ученики, коллеги...»: Сб. статей к 60-летию Дмитрия Петровича Бака. М., 2022. С. 340–351.

² Первоначально книга издана на немецком языке: *Woloschin M.* Die grüne Schlange. Stuttgart, 1954. Далее цитируется по изданию: *Волошина (Сабашникова) М. В.* Зеленая Змея: история одной жизни / Пер. с нем. М. Н. Жемчужниковой; комм. С. В. Казачкова и Т. Л. Стрижак. М., 1993.

³ См.: Легопись жизни и творчества Маргариты Васильевны Сабашниковой / Сост. В. П. Купченко // *Ежеквартальник русской филологии и культуры.* 2000. Т. III. № 3. С. 368.

⁴ См. подробнее: *Данилова И. Ф.* Литературная сказка А. М. Ремизова (1900–1920-е годы). Helsinki, 2010. С. 28–58 (*Slavica Helsingiensia*; vol. 39).

детей»,⁵ и она зафиксировала парадоксальный ответ («Вот как раз, как я, и выглядит кикимора»⁶), который послужил ей «подсказкой» к отображению внутреннего мира молодого писателя в созданном тогда же портрете.⁷ Миф и сказка в этом новом знакомстве стали почвой для развития дальнейших отношений.

Незадолго до приезда в Петербург, летом и осенью 1906 года, Сабашникова работала над первым в своей литературной практике произведением, созданным на основе мифологических мотивов. «Сказка о распятом царевиче», объединившая в себе поэтику былинного эпоса, легенд и баллад, повествовала о чудесном воскрешении казненного королевича-царевича. О горькой судьбе героя читатель узнавал из монолога, случайно услышанного из-под земли в ночном лесу девушкой Катериношкой:

Королевичем я жил
И во дубе распят был.
Распят был родным отцом
Вверх ногами, скован сном...⁸

Катериношка обручилась с мертвецом и силою своей любви вернула его в мир живых. Если традиционно мифологический мотив «мертвый жених» завершался трагическим финалом (возлюбленная мертвеца уходила с ним в загробный мир), то версия начинающей писательницы, в соответствии с законами волшебной сказки, заканчивалась счастливой свадьбой живых и здравствующих героев.

По совпадению творческих интенций образ «мертвого жениха» оказался центральным в одной из самых загадочных новелл книги Ремизова «Посолонь» — «Ночь темная».⁹ Интересующий нас «страшный» рассказ создавался благодаря тонкой игре с выбором источников сюжета и жанра. В авторских комментариях к изданию «Посолони» в Собрании сочинений 1912 года были названы как получивший распространение в фольклоре и литературе мотив «о живом мертвец», так и его древнейший образец — древнегреческий миф о Протесилае и его верной супруге Лаодамии, последовавшей за мужем в царство вечности.¹⁰ Ключевой мифологический инвариант в «Ночи темной» объединен с повествовательными линиями «Сказки об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке».¹¹ По слухам, донесшимся до обитателей башни царевны Копчужки, заждавшейся возвращения Ивана-царевича, — его «за крепкими стенами повесили».¹² Такая участь героя дала основания современному исследователю творчества Ремизова искать связь вымысла и реальной жизни. В качестве возможного «прототипа» мертвого жениха из «Ночи темной» был назван казненный в Шлиссельбургской крепости 10 мая ст. ст. 1905 года товарищ Ремизова по вологодской ссылке Иван Платонович Каляев.¹³ С точки зрения авторской прагматики едва

⁵ Волошина (Сабашникова) М. В. Зеленая Змея. С. 147.

⁶ Там же.

⁷ Портрет (бумага, итальянский карандаш, соус) в настоящее время хранится в фондах Литературного музея ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН; расположен на экспозиции, посвященной Серебряному веку. См. воспроизведение: Наследие А. М. Ремизова в литературном процессе XX–XXI вв. / Авторы-сост. Е. Р. Обатнина, Е. Е. Вахненко // <http://pushkinskiydom.ru/remizov/content/painters/sabashnikova1906.pdf>; дата обращения: 02.12.2022. Впервые был опубликован в первом томе «Сочинений» Ремизова, выпущенных издательством «Сириус» (1912).

⁸ Волошина (Сабашникова) М. В. Сказка о распятом царевиче. Из творческого наследия / Публ. И. А. Репиной // Крымский альбом 2000. Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах / Сост., предисловие к публикациям Д. Лосева. Феодосия; М., 2000. С. 148.

⁹ Впервые: Ремизов А. М. Посолонь. М., 1907. С. 37–39. Далее цит. по: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 2. Докука и балагурье. С. 43–46.

¹⁰ См.: Там же. С. 172.

¹¹ См.: Розанов Ю. В. Фольклоризм А. М. Ремизова: Источники, генезис, поэтика. Вологда, 2008. С. 134–135.

¹² Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 2. С. 45.

¹³ Розанов Ю. В. Фольклоризм А. М. Ремизова. С. 134–135. См. также о неомифологической природе образа Ивана-царевича в «Ночи темной»: Данилова И. Ф. Литературная сказка А. М. Ремизова. С. 51.

ли возможно однозначно установить авторскую проекцию конкретной личности на персонаж миниатюры, ювелирно исполненной в жанре страшного детского фольклора, хотя в предложенном прочтении она эффектно соотнесена с казненным революционером-террористом. Как нам представляется, прямолинейная корреляция была абсолютно исключена, особенно если принять во внимание, что Каляев и Ремизов родились в один день (24 июня (6 июля) 1877 года). Смертный приговор человека, с которым писателя связывала дружеская привязанность и первый литературный опыт в печати,¹⁴ очевидно, был для него глубокой психологической травмой.¹⁵

Однако согласимся, что поиск источников мотивных линий художественного произведения в биографическом контексте не лишен смысла, только с той поправкой, что подтексты ремизовской новеллы обращены не к реальности как таковой, а к литературной фантазии Сабашниковой. По нашему предположению, «Ночь темная», авторские исправления и дополнения которой, согласно истории подготовки рукописи к печати, совершались до начала декабря 1906 года,¹⁶ заключала в себе аллюзию к неопубликованной «Сказке о распятом царевиче» через мотив казни героя (распят = повешен¹⁷) и, в свою очередь, являлась контрверсией авторской обработки устойчивого мифологического сюжета. Актуальность такой взаимосвязи с современными интерпретациями зафиксирована и в комментарии Ремизова к его новелле, где указывалась параллель с пьесой Ф. Вологуба «Дар мудрых пчел» (1906).¹⁸

Собственно, и наша гипотеза о скрытой адресации «Ночи темной» Сабашниковой как автору сказки на сходный мотив была бы беспочвенна, если бы в истории отношений писателя с Сабашниковой и ее мужем Волошиным не имел место факт ремизовской рефлексии, сближающий образ героини «Ночи темной» с именем художницы. Речь идет об авторском инскрипте на экземпляре книги «Посолонь», предназначен-

¹⁴ Подробнее о Каляеве: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. С. 441–442; а также воспоминания сотрудницы редакции «Северного края» А. В. Тырковой «На путях к свободе» (London, 1990. С. 105–108).

¹⁵ В одном из ежедневных писем к жене, написанном за две недели до исполнения решения трибунала, Ремизов упомянул о встрече с адвокатом приговоренного: «...в редак<ии> В<ладимир> А<натольевич> Жданов. Рассказывал много. И<ван> П<латонович> <Каляев> мне кланяться велел, велел передать, что читал в „Гриф“ „Иван Купала“. Находится он в такой волне радости, что сделал что-то и ждет смерти. Ночью спит хорошо. А ведь это, ты понимаешь, как важно. Рассказывают, что люди спят хорошо до, а если придет не то, что ждут, они перестают спать...» (Литературный музей истории российской литературы им. В. И. Даля. Ф. 156. Оп. 2. № 337; тексты готовятся к публикации). В этом же контексте личного выбора Ремизов оценивал и жизнестроительство отдельных бывших революционеров, обобщенный образ которых писатель назвал именем секретаря журнала «Вопросы жизни» Г. И. Чулкова: «Думаю и думаю об И<ване> П<латоновиче>. Из головы он у меня не выходит. И какое говно, подумаешь, все эти Георгии Иванычи (с маленькой буквы)» (Там же). Ср. также позднюю авторскую редакцию тех же писем: На вечерней заре: Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подг. текста и комм. А. д'Амелия // *Еуропа Orientalis*. 1990. № 9. С. 456, 458. Ценные дополнения к отражению казни Каляева в творчестве Ремизова см.: Сумрачев О. К вопросу о первой публикации рассказа А. Ремизова «Крепость» // <http://surmachev.ru/k-voprosu-o-pervoy-publikatsii-rasskaz>; дата обращения: 02.12.2022. Важный штрих к теме казни Каляева вносит факт посещения Ремизовым и его женой Шлиссельбургской крепости в марте 1906 года. Одно из подтверждений этой поездки, раскрывающее реальный контекст рассказа «Крепость», находим в публикации: Павлова М. М. К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т. Н. Гиппиус). Статья 1 // *Русская литература*. 2017. № 3. С. 236.

¹⁶ См. историю подготовки книги к печати: Данилова И. Ф. Литературная сказка А. М. Ремизова. С. 33–39.

¹⁷ Подчеркнем, что выбор расправы над героем через повешенье в ремизовской сказке, действительно, мог иметь прямое отношение к пережитой недавно казни Каляева, но не на уровне неразрывной смысловой связи с революционером, а на уровне конкретизации обстоятельств сказочного события. Такой же принцип обращения реалий в условные знаки сказочного мира мы можем выделить и в кажущемся очевидным сопоставлении «башни» Копчужки и «Башни» Иванова: в сказочном изложении обе башни утрачивают угадываемые носителями реального знания смысловые коннотации, оставаясь лишь одноименными символическими локусами.

¹⁸ См.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 2. С. 172.

ном для супругов Волошиных, который открывает простор для мифологических экстраполяций на поворотный сюжет в биографии Сабашниковой, связанный с таким известным локусом символистской культуры, как «Башня» Вяч. Иванова.

Вновь подчеркнем, что в биографии Ремизова конец 1906 года был ознаменован выходом в свет книги сказок «Посолонь». Издание открывалось посвящением Вяч. Иванову, которого автор почитал как глубокого исследователя истории мифа. Отъезд из Петербурга на краткое время отвлек его от «башенной» жизни, и мы не знаем, догадывался ли он об увлечении Иванова женой Волошина. Первое появление на Таврической по возвращении из Берестовца пришлось на 16 января, когда Ремизов получил приглашение на обед к хозяевам «Башни». Поводом к визиту стала, между прочим, и приятная возможность передать новую книгу Волошиным, в конце декабря еще проживавшим этажом ниже Ивановых, в комнатах художественной школы Е. Н. Званцевой. Теперь писатель оказался перед фактом перемещения супругов непосредственно на «Башню». Чутко улавливая психологические диссонансы в настроениях друзей, Ремизов написал на форзаде своей «Посолони»: «Максимилиану Александровичу Волошину, Медведю лесному, и царевне Капчужке <sic!> Маргарите Васильевне Сабашниковой А. Ремизов. С.-Петербург. 16 генваря 1907 года у М. А. в новой его комнате перед обедом, и сам он нелюдимый такой, страшно».¹⁹

Основной текст автографа уже рассматривался в исследовании генезиса и творческой истории «посолонного» цикла. Ю. В. Розанов прочитал его содержание как профетическое послание писателя, предостерегавшего «молодую и красивую девушку от смертельной опасности».²⁰ Рассматривая текст сказки в приложении к биографии реальных насельников «Башни» на Таврической, 25, трудно не удивиться символическим сближением судьбы царевны Капчужки с судьбой Маргариты Сабашниковой, оказавшейся «под чарами» символиста-мистагога Вяч. Иванова.²¹ Тем не менее было бы преувеличением считать загадочный автограф Ремизова «предостережением», обращенным к героям жизненной драмы, концовку которой еще никто не мог предсказать. Поэтому в истории с инскриптом нас более всего интересует логика мифа, запечатленная в сказочном мотиве «мертвый жених» и возымевшая действие в реальной жизни «Башни» Вяч. Иванова.

Быт и творческое выражение символистско-мифологической программы ивановской «Башни» подробно исследованы по многочисленным документальным источникам. Как известно, перенесение представлений о сакрально-мистическом исполнении культа Эроса в контур реальных взаимоотношений людей нового века завершилось личной трагедией как для избранницы Иванова, так и для ее мужа Волошина. Печальная история началась с того, что в течение нескольких месяцев (с октября 1906 года по январь 1907 года) между хозяевами «Башни» и молодоженами Маргаритой Сабашниковой и Максимилианом Волошиным, приехавшими осенью из Москвы с твердым намерением обосноваться в северной столице, установились тесные отношения, развивавшиеся по мере роста взаимной заинтересованности. Поэт и художница, поселившиеся в том же доме, вовлекаются в интеллектуально-творческую атмосферу «Башни» и знаменитых «сред», основной дискуссионной темой которых в тот период стало постижение мифологии и философии Эроса.²² Первое такое собрание, прошедшее 18 октября, не случайно врезалось в память мемуаристики.²³ Прения участников «диспута об Эросе» перевернули

¹⁹ Цит. по: *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Волошин и Ремизов // *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Символисты вблизи: очерки и публикации. СПб., 2004. С. 137.

²⁰ *Розанов Ю. В.* Фольклоризм А. М. Ремизова. С. 136–137.

²¹ Добавим à propos, что написанная Сабашниковой «Сказка о распятом царевиче» могла представлять для Иванова особый интерес ввиду его замысла «Повести о Светомире царевиче». Историю текста, его жанра и историософские подтексты см.: *Иванов Вяч.* Повесть о Светомире царевиче / Изд. подг. А. Л. Топорков, О. Л. Фетисенко, А. Б. Шишкин. М., 2015 (сер. «Литературные памятники»).

²² Подробнее см.: *Обатнин Г. В.* К биографии Вяч. Иванова: «четные Среды» // *Литературный факт.* 2021. № 1 (19). С. 133–144.

²³ Ремизов и С. П. Ремизова-Довгелло также присутствовали на этой так называемой «четной» среде. См. приглашение, адресованное накануне, в письме Вяч. Иванова: *Переписка В. И. Иванова и А. М. Ремизова / Вступ. статья, прим. и подг. писем А. Ремизова А. М. Грачевой; подг. писем*

сознание Сабашниковой, она вспоминала: «...мысли об Эросе явились для меня совершенно новыми и глубокими, восхищению моему не было границ».²⁴

По разнообразным свидетельствам мы знаем, что молодые Волошины также оказались в ближайшем круге общения Ремизова и его жены Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло.²⁵ Закономерно, что в компании с Вяч. Ивановым и М. А. Кузминым они составили избранную аудиторию взыскательных слушателей первого авторского чтения легенды «О безумии Иродиадином, как на земле зародился вихорь», собравшихся 7 ноября 1906 года в квартире Ремизовых. Как представляется, авторское переложение народных преданий о роковой любви дочери царя Ирода (в народной версии Иродиады) к Иоанну Крестителю являлось личным творческим вкладом в осмысление природы Эроса.²⁶ Кузмин тем же вечером записал: «Алекс<ей> Мих<айлович> читал свою „Иродиаду“, очень красочную и душную вещь, не без декадентства, очень раскритикованную Ивановым; сидели очень недолго».²⁷

Это был один из первых прецедентов расхождения Ремизова с Maître не только в методологии обращения с мифом, но и в осмыслении Эроса через народное переложение евангельской истории, повествующей о смертоносной силе любви. Другое событие творческой биографии Ремизова, произошедшее 18 марта 1907 года уже на Таврической, впервые было описано Сабашниковой в ее книге «Зеленая Змея». На сей раз критике подверглась апокрифическая версия канонического евангельского рассказа о казни и воскресении Христа в легенде «О страстях Господних: Трнадцатен во гробе»,²⁸ в которой писатель представил личную телеологию.²⁹ Как запомнилось Сабашниковой, после эмоционального протеста Иванова, возмущенного «кощунственным» измышлением, «Ремизов, и без того уже согбенный и раненный жизнью, еще больше сгорбился и молча ушел вместе с женой».³⁰ Авторское самолюбие, по-видимому, было особенно уязвлено оттого, что в кругу единомышленников хозяина «Башни», практиковавших экстагическое переживание стихии древнего мифа, он представил едва ли не визионерский опыт соприсутствия голгофской трагедии.

Сабашникова — свидетельница каждого из упомянутых прецедентов, постепенно осваиваясь на ивановских «средах», могла заметить, что Ремизов держался в стороне от коллективных постижений мистериальной стихии культа Диониса. Сохраняя независимость в избранном направлении исследования мифа и, в частности, эротического фольклора, он обращался к народной интерпретации.³¹

Вяч. Иванова О. А. Кузнецовой // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. С. 89; уточнение датировки приглашения см.: *Обатнин Г. В.* К биографии Вяч. Иванова. С. 135.

²⁴ *Волошина (Сабашникова) М. В.* Зеленая Змея. С. 152.

²⁵ К основным источникам отнесем: *Волошин М. А.* История моей души / Сост. В. П. Купченко. М., 1999; *Летопись жизни и творчества Маргариты Васильевны Сабашниковой.* С. 360–387; *Кузмин М. А.* Дневник 1905–1907 / Предисловие, подг. текста и комм. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2000; *Купченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. СПб., 2002. Т. 1. 1877–1916; *Богомолов Н. А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М., 2009; *Зобнин Ю. В.* Материалы к летописи жизни и творчества Вяч. И. Иванова // http://www.v-ivanov.it/files/208/works/zobnin_materialy_k_letopisi_ivanova_2011.pdf; дата обращения: 02.12.2022.

²⁶ Подробнее см.: *Топорков А. Л.* Повесть А. М. Ремизова «О безумии Иродиадином», пьеса Оскара Уайльда «Саломея» и «Песнь песней» царя Соломона // «Вечные» сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма. М., 2015. С. 170–191.

²⁷ *Кузмин М. А.* Дневник 1905–1907. С. 258.

²⁸ Этот же эпизод был несколько позже воспроизведен в эмигрантских воспоминаниях одного из участников событий. См.: *Гофман М. Л.* Петербургские воспоминания // Новый журнал = The New Review. 1955. № 43. С. 120–133; см. также: *Воспоминания о Серебряном веке / Сост., предисловие и комм. В. Крейда.* М., 1993. С. 376–377.

²⁹ Подробнее об этом см.: *Переписка В. И. Иванова и А. М. Ремизова.* С. 78–79; «На вечерней заре». Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1912 год / Вступ. статья и комм. Е. Р. Обатниной, подг. текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной // *Русская литература.* 2019. № 1. С. 97–98.

³⁰ *Волошина (Сабашникова) М. В.* Зеленая Змея. С. 164.

³¹ Ср. комплиментарный отзыв А. В. Тырковой-Вильямс: «Среди петербургских романистов и поэтов Ремизов занимал особое место. Бывал в „башне“, бывал и в других кружках, но ни к одному

Возвращаясь к дарительному инскрипту, подчеркнем тот очевидный факт, что в его подтексте прочитываются аллюзии к содержанию книги «Посолонь». В воображении писателя супруги Волошины оказались ассоциированы с героями разных сказочных мотивов. Максимилиан Волошин — скорее, с героем сказки «Медведюшка»,³² а Маргарита Сабашникова — с героиней «Ночи темной». Конкретность последней корреляции обнаруживает случайная грамматическая ошибка автора, написавшего имя хозяйки сказочной башни — царевны Копчужки, образованное от слова *коптить*, через букву «а» («Капчужка»), как раз по аналогии с фамилией художницы, в корневой морфеме которой вопреки простейшей этимологии (от слова *собака*) исторически зафиксировалась та же буква. Основная содержательная часть посвящения опиралась на силлогизм, в котором субъект *Сабашникова* и предикат *Копчужка* были объединены темой одного сказочного мотива о мертвом женихе. Так сопряжение трех частей создало тождество: Царевна Копчужка = Маргарита Васильевна Сабашникова. Этими наблюдениями по поводу приведенного здесь документа бытовой культуры начала XX века можно было бы и ограничиться, выдвинув версию, альтернативную предложенной Ю. В. Розановым. Заметим, однако, что исследователь оперировал не полным содержанием инскрипта. Если же высказывание Ремизова мы рассмотрим в его целостности, то окажется, что оно отражает реальность в значительно большей степени, чем мы можем предположить, увлекаясь гипотезами.

Чтобы раскрыть латентные смыслы надписи, обратим внимание на специфическую особенность многих книжных автографов Ремизова. Уже в ранних образцах они характеризуются ярко выраженным идеостилем, сдвигающим обычный жанр формализованного посвящения в сторону эпистолярной миниатюры, в которой фиксировался биографический момент жизни как самого писателя, так и его адресата. Инскрипт, таким образом, становился своего рода «вехой» мемориального «хронографа», запечатлевшей памятные события литературного быта.³³

Вот и в ремизовской надписи, адресованной супругам Волошиным, смысловую нагрузку несет в себе не столько основной текст, сколько *post scriptum* с описанием «места действия» и гнетущей психологической атмосферы, которая проявлялась даже в бытовых деталях обстановки «новой комнаты» Волошиных.

Из сохранившихся записей О. А. Шор-Дешарт мы узнаем, что перед въездом гостей помещение было отремонтировано. М. А. Волошин в предчувствии крушения семейного счастья распорядился оклеить ее, «и без того несветлую, мрачными, серыми обоями»,³⁴ как кажется, в противовес разноцветью ивановской квартиры. Символическая колористика сыграла не последнюю роль в создании спонтанной дарственной надписи Ремизова, транслировавшей уже не простой намек на сопоставление двух авторских решений мотива «мертвый жених», по всей вероятности заготовленный загодя, а мрачное впечатление от жилья, само по себе ассоциированное с ожиданием драматической развязки мистерии, задуманной Ивановым.

из них нельзя было его приписать. <...> Никто не мог считать его своим — ни Мережковский, ни Вячеслав Иванов, ни, позже, Федор Сологуб. Но с ним все они считались, прислушивались к его оценкам, справедливым и честным. В своих суждениях о литературе он был свободен от личного пристрастия или личной неприязни. Это не часто бывает» (цит. по: Воспоминания о Серебряном веке. С. 341). Об отличиях в понимании Эроса и эротического между Ремизовым и кругом литераторов «Башни» Вяч. Иванова см.: *Обатнина Е.* «Эротический символизм» Алексея Ремизова // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. С. 199–234; *Доценко С. Н.* К проблеме дешифровки одного анекдота из мемуарной книги А. Ремизова «Кукка» // Русская литература. 2005. № 1. С. 179–187.

³² Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 2. С. 49–57.

³³ Показательным примером такого посвящения-«письма» является надпись, обращенная к А. А. Блоку, на первом томе Сочинений Ремизова. См.: Библиотека А. А. Блока. Описание / Сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина; под ред. К. П. Лукирской: [В 3 кн.]. Л., 1985. Кн. 2. С. 209. Другие инскрипты Ремизова см.: Волшебный мир Алексея Ремизова. Каталог выставки. СПб., 1992. С. 16–31; ср. также: *Обатнина Е. П.* Обезьяний царь, П. Е. Щеголев и архивно-музейное дело РСФСР (из материалов собрания М. С. Лесмана) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2021 год. СПб., 2021. С. 74.

³⁴ Цит. по: *Галанина Ю. Е.* О некоторых реалиях в мифологическом пространстве Башни Вяч. Иванова (по архивным материалам) // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы / Отв. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевский, А. Б. Шишкин. СПб., 2010. Вып. 1. С. 481.

Вернемся к тексту новеллы «Ночь темная», которая открывается пиршеством, устроенным в башне царевны Копчужки по случаю возвращения ее долгожданного жениха. В финальной сцене эта славянская родственница Золушки³⁵ становится жертвой мертвого суженого. Непосредственная встреча 16 января в «новой комнате» Волошиных для самого Ремизова углубила семантику до сей поры вполне формальной ассоциации царевны Копчужки с Сабашниковой, которая теперь оказалась под чарами хозяина «Башни» — мистагога Иванова.

Внезапное и даже иррациональное перенесение писателем содержания его сказки на реалии жизни,³⁶ на наш взгляд, объективирует принцип художественного мышления, ориентированного на миф как смыслообразующую и организующую модель жизни. Мифологический паттерн как будто по волшебству реализовался в действительности и подчинил себе развитие событий. Даже распределение ролей в автографе раскрывает перемены в отношениях супругов Волошиных, оказавшихся ассоциированными с персонажами-антиподами: медведь лесной — витальный представитель гармоничного мира,³⁷ царевна Копчужка — измененная навязанной ей волей личностью, находящаяся перед выбором двух миров — жизни и смерти. Концепция книги «Посолонь», как мы знаем из истории ее создания и ремизовским комментариям ко второй печатной редакции, состояла в неотступном следовании традиции, в которой обряд и сказка выполняют функцию социализации человека. По логике страшной сказки — невеста мертвого жениха должна быть им «съедена».

Волшебная сказка, воспроизводящая поведенческую модель подчинения чужой власти, в процессе посвящения ребенка во взрослую жизнь лишается смысла «понарошку», преобразуя условности в акт инициации.³⁸ Эротическая подоплека сказочного повествования, для ребенка остающаяся в пределах абстрактной угрозы быть съеденным злым сказочным героем, раскрывает свой потаенный смысл в ситуации взрослой жизни. Финальное междометие в сюжете «Ночи темной» — «— Ам! — съел», поддерживающее механизм нагнетания страха,³⁹ — в своем сакральном подтексте от-

³⁵ См.: Розанов Ю. В. Фольклоризм А. М. Ремизова. С. 20; а также: Бувеч О. В. Жанровое своеобразие сказки А. М. Ремизова «Ночь темная» // Вестник Омского ун-та. 2011. № 3. С. 199–200.

³⁶ Замечание об этой обратной связи высказано также Ю. В. Розановым в монографии «Фольклоризм А. М. Ремизова...» (с. 136).

³⁷ В фольклорной традиции образ медведя как тотемного героя связывается с образом жениха, с обрядами девичьих инициаций и в целом идеалом семейного благополучия. См. подробнее: Жепниковская И. Медведь в русской волшебной сказке: Эскиз исследования проблемы // «Русский медведь»: История, семиотика, политика / Под ред. О. В. Рябова и А. де Лазари. М., 2012. С. 62–71. Ремизов, несомненно, к этому комплексу народных верований подключил и известное ему домашнее прозвище Волошина — «Медведь». Ср. персонафикацию в образах сказочных персонажей в концовке письма Сабашниковой мужу: «...люблю моего мишу-мишуту. Я — снегурочка» (Волошин М. Собр. соч. / Под ред. В. П. Купченко и А. В. Лаврова, при участии Р. П. Хрулевой. М., 2015. Т. 11. Кн. 2. С. 172). Немаловажно в контексте избранной проблематики, что в образном ряду Волошина Сабашникова мыслится как «царевна». Ср. письмо поэта от 7–8 октября 1905 года (Волошин М. Собр. соч. Т. 11. Кн. 1. С. 613). Свой образ поэт также материализовал в игрушечном медведе, переданном маленькой дочери Ремизова не позднее конца 1906 года. Об этом подарке см. письмо Ремизова от 7 января 1907 года: «Недавно вернулись от Наташи. Больше всех ей медведь понравился рыжий, а Вашего медведя кормит окурками: положит туда, знаете, — и ждет, когда съест. И ей всегда кажется, что он съел» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1020. Л. 1 об.; см. также цитирование в статье: Гречишкин С. С., Лавров А. В. Волошин и Ремизов. С. 136).

³⁸ Этой проблеме посвящена, в частности, статья С. Б. Адоньевой «Сказка и биография» (https://www.ruthenia.ru/folklore/adonieva2.htm#_ftnref27; дата обращения: 02.11.2022). Благодарим за указание на ценный источник и совместное обсуждение специфики мифопоэтического мышления хранителя фонда фольклора Рукописного отдела ИРЛИ Я. В. Нагорную.

³⁹ Ср. авторский комментарий к озвучиванию текста: «— ам!!!» (цит. по: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 2. С. 173). Существенным в контексте рецепции современниками сказки, соединившей детское и взрослое мировосприятие, является также фрагмент из ремизовского дневника от 3 октября 1905 года, т. е. записанный в то время, когда «Ночь темная» еще была на стадии замысла: «Была

сылает к взаимосвязи символических значений Эроса и Танатоса, которая в народном иносказании передается эвфемизмом «съесть».⁴⁰

Характерно, что Ремизов, сохраняя содержание своей волшебной по формальным признакам сказки в парадигме детского «безобидного» фольклора, легшего в основу всей книги «Посолонь», не использовал другую, более известную присказку, с конкретностью мифологической логики обнаруживающую полноту и необратимость действия: «— Ам! — никому не дам». Этот безнадежный вариант прочитывается в ремизовском инскрипте Волошиным, который был не более чем спонтанной трактовкой обнаруженной им на «Башне» новой мизансцены отношений в треугольнике «Волошин — Сабашникова — Иванов», со сказочной скоростью, «в мгновение ока» перестроившей мифологический код судьбы ее основной героини — Маргариты Сабашниковой. Символические образы жизнерадостного Эроса — Amor и Primavera, предписанные ей Волошиным и Ивановыми,⁴¹ в восприятии писателя оказались переориентированы на поэтику Танатоса, реализованную в образах мифологической родословной Лаодамии-Лорелеи.⁴²

Аналогичная, танатологическая по существу, интерпретация жизненных экспериментов на «Башне» проявилась и в следующем послании Ремизова, обращенном к Сабашниковой четыре дня спустя после встречи на Таврической. Искусный автограф с использованием красной и черной туши был создан в качестве скромного подношения (см. ил.):

«В день Вашего Рождения
Маргарита Васильевна⁴³

Восхотела Страфил-птица — всем птицам мать — попеть в огнепалимой башне на Ваших руках.

И вот посылаю Ее к Вам, пускай поет.

Листина баба⁴⁴ пошла уже к Вам, шишек да брусники понесла, и черепаха⁴⁵ за ней.
А. Ремизов

С. Петербург, 19 генваря 1907 года, пятница ½ 6 вечера».

На втором листе письма, уже изменив каллиграфический стиль на печатные буквы, писатель дополнил:

у нас Зинаида Николаевна и Т. Н. У З. Н. бывают минуты неподдельно детские. Как хорошо она выговаривает в сказке: „ам!“ (цит по: Ремизов А. Кукха: Розановы письма / Изд. подг. Е. Р. Обатнина. М., 2011. С. 21 (сер. «Литературные памятники»)).

⁴⁰ В своем первом прозаическом произведении большой формы — романе «Пруд» — Ремизов использовал схожее иносказание, семантика которого уходит вглубь архаических представлений. Подробнее об этом см.: Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001. С. 162–164.

⁴¹ Amor — от Amor (лат.) — любовь; Аморя — имя Сабашниковой, возникшее в письмах Волошина (одну из первых эпистолярных фиксаций см.: Волошин М. Собр. соч. Т. 11. Кн. 1. С. 328). Primavera — имя Сабашниковой в контексте вечеров Фиаса, проводившихся на «Башне» Вяч. Иванова супругой поэта Л. Д. Зиновьевой-Аннибал в противовес преимущественно мужским собраниям на вечерах Гафиза (Богомолов Н. А. Петербургские гафизиты // Богомолов Н. А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М., 1995. С. 76, 347).

⁴² О генезисе мотива сказки «Ночь темная» см.: Жильяков А. С. Эстетика и поэтика таинственного в сказке А. М. Ремизова «Ночь темная» (Сюжет о «мертвом женихе») // Вестник Томского гос. ун-та. 2007. № 294. С. 11–16.

⁴³ Здесь и далее курсивом отмечено использование в автографе красных чернил.

⁴⁴ Сказочный герой, персонифицированный в самодельной игрушке из коллекции природных артефактов Ремизова, связанных со славянской мифологией. Ср. авторский комментарий в книге «Посолонь»: «...слепышка Листин — в лесу живет, весь из листьев. Есть и Листина баба — игрушка: туловище сделано из мха, а вместо рук еловые шишки, на ногах настоящие лапки» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 2. С. 174–175).

⁴⁵ Возможно, игрушка, подаренная в коллекцию Ремизова Волошиными, поскольку Черепаха не имеет отношения к славянскому бестиарию и не вошла ни в одно из описаний ремизовского собрания. См. о коллекции в прим.: Данилова И. Ф. Литературная сказка А. М. Ремизова. С. 49–50.

15
1

Во имя Ваше Роденіе

Маргарита Васильевна

восхотѣла Стрѣбиль - птица - въмѣ птицамъ
мать - похвѣтъ въ оклепанной башкѣ на Вашиѣ
рукахъ.

И вопѣ посылаю Се къ Вамъ, пускай похвѣтъ,
Листина баба пишла ухѣ къ Вамъ, шимеюв
да брусники похвѣла, и черетаха за ней.

А. Ремизовъ

Петербургъ, Января 1907 года, четверга 1/2 востера.

«Серафима Павловна Вас поздравляет и кланяется.

[рис.: цветочек]».⁴⁶

Практически каждый элемент этого артефакта обладает семиотической валентностью — от изысканного каллиграфического шрифта и контаминации красной и черной туши до символической топонимики, связующей теперь башню Копчужки и «Башню» Иванова.⁴⁷ Метафора «огнепалимая», восходящая к тезаурусу русских переводов Ветхого Завета и Торы, образует очевидную коннотацию с символическим жертвенником,⁴⁸ с одной стороны, а с другой — активирует и более близкие подтексты. К ним следует отнести бытовую историю памятного пожара на «Башне», случившегося 8 ноября 1906 года, огненный цвет обоев в комнатах Ивановых⁴⁹ и, наконец, доминантное положение стихии огня в поэтике Иванова.⁵⁰

Обратившись к сказочному повествованию «Посолони», убедимся, что миф о птице Страфил также прочитывается в контексте событий на «Башне» не отвлеченно, а как тайное пожелание «лучших дней»: «И куда-то улетела Страфил-птица. Страфил-птица — мать птицам — свет забыла. А когда-то любила свой свет: когда нашла грозная сила, и мир содрогнулся, Страфил-птица победила силу, схоронила свет своей под правое крыло».⁵¹

Мучительные душевные терзания, пережитые Сабашниковой в январе–марте 1907 года, могли стереть в ее памяти сказочные аллюзии Ремизова. Однако существуют подтверждения, что художница нуждалась в психологической поддержке и находила ее в доме писателя. Остается сожалеть, что конфиденткой была выбрана супруга Ремизова, которая, увы, не отличалась умением хранить чужие тайны. Так, с ее слов, другая представительница художественной элиты Петербурга — Татьяна Николаевна Гиппиус, выполняя по заданию своей старшей сестры Зинаиды Николаевны роль хроникера событий петербургской жизни, писала в очередном отчете, направленном во Францию, о том, что 24 января 1907 года «к С<ерафиме> П<авловне> пришла жена Волошина (лицо, как у Мадонны на картине Филиппино Липпи) и рассказывала, что она уезжала от них в Финляндию,⁵² не могла быть с ними (квартира у них общая, кажется)».⁵³

Оставаясь в поле гипотетических рассуждений, отметим зафиксированную в этой записи примечательную художественную аллюзию. По всей вероятности, Т. Н. Гиппиус сравнила образ Волошиной-Сабашниковой с известной ей по коллекции Эрмитажа Мадонной, изображенной на картине «Поклонение Христу» кисти Липпи-младшего (Filippo Lippi, или Filippino Lippi; 1457/1458–1505), сына прославленного Фра Филиппо Липпи. Вместе с тем не исключено, что в восприятии художницы взаимоотношения жены Максимилиана Волошина с Ивановым подсознательно вызвали аналогию

⁴⁶ Ремизов А. М. Письмо к М. В. Сабашниковой. 19 января 1907 // ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 5. № 97 (красные и черные чернила, бумага, перо). Упоминание об этом документе также содержится в статье: Гречешкин С. С., Лавров А. В. Волошин и Ремизов. С. 135.

⁴⁷ См. прим. 17.

⁴⁸ Об ивановской «Башне» как ритуальном пространстве см.: Титаренко С. Д. От архетипа — к мифу: Башня как символическая форма у Вяч. Иванова и Л. Г. Юнга // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб., 2006. С. 260.

⁴⁹ См.: Галанина Ю. Е. О некоторых реалиях в мифологическом пространстве Башни Вяч. Иванова. С. 479–484.

⁵⁰ См., в частности, краткую статистику употреблений символа огня в книге «Кормчие звезды»: Лосев А. Ф. Проблема художественного стиля. Киев, 1994. С. 242.

⁵¹ Цит. по: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 2. С. 154. Страфил-птица — персонаж сказки «Ховала» (1907), впервые опубликованной только в летнем номере «Золотого руна» (№ 7–9) за 1907 год.

⁵² С 9 по 14 ноября 1906 года Сабашникова пребывала в санатории в Мустамяки (Финляндия), недалеко от Петербурга (Летопись жизни и творчества Маргариты Васильевны Сабашниковой. С. 368).

⁵³ «Общая квартира» — «Башня», квартира Ивановых, одну из комнат которой в десятых числах января заняли супруги Волошины (Там же. С. 369). Благодарим М. М. Павлову за предоставление фрагмента из готовящихся к печати материалов эпистолярного наследия сестер Гиппиус. Встречи у Ремизовых продолжались также в связи с завершением работы Сабашниковой над портретом для «Золотого руна». Последняя из них, согласно приглашению Ремизова в письме Волошину, состоялась 1 февраля 1907 года (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1020. Л. 3).

с биографией Липпи-отца (Fra Filippo di Tommaso Lippi; 1406–1469). Биографический сюжет о любви зрелого художника-кармелита Филиппо Липпи к юной воспитаннице монастыря Лукреции Бути, почерпнутый в «Жизнеописаниях...» Дж. Вазари, с одной стороны, актуализировал подоплеку оценок мистериально-мистических отношений героев «Башни» с ригористических позиций — как любви несправедливой, а с другой — был связан с иконографией возлюбленной Липпи, послужившей моделью как для его знаменитой «Мадонны с младенцем» (1460–1465, Уффици), так и для образа-антипода — Саломеи на фреске «Пир Ирода» (1452–1466, Кафедральный собор в Прато). Такой ракурс, объединявший тему запретной любви с темой ее отражений в художественном творчестве, на наш взгляд, позволяет вывести проблему рецепции любовной драмы на «Башне» в близком круге современников, включая Ремизова, из плоскости бытовых инсинуаций в область исследования мифопостроений символистов, наблюдавших сверхъестественное на их глазах необратимое переосмысление целомудренного женского образа.⁵⁴

Откровения Сабашниковой, дошедшие до нас в искаженном виде пересказа, не отражают подлинной сути событий, но вполне достоверно передают сумбур, охвативший сердце влюбленной замужней женщины, и желание исправить внешнее впечатление о ее личной жизни. По-видимому, общение с женой Ремизова давало ей пример прямолинейного и безыскусного мировоззрения, в корне противоположного «башенному» эстетизму. Не случайно в «Зеленой Змее» много лет спустя мемуаристка вспоминала: «Серафима Павловна <...> не стеснялась говорить все напрямик, если дело касалось истины. Я очень полюбила ее за честность и открытость. Она знала, что хорошо и что плохо».⁵⁵

Ремизова-Довгелло, присоединившаяся в 1913 году к русским последователям антропософского движения для совместной поездки в Мюнхен на лекции Рудольфа Штейнера, по возвращении рассказывала о встрече с Маргаритой Сабашниковой: «...живет при Штейнере как при старшем брате только, живет потому, что измучена жизнью, больше, чем потому, что — Штейнер...».⁵⁶ Так образ царевны Копчужки — невесты «мертвого жениха», ассоциированный в инскрипте Ремизова с именем художницы, создал устойчивый мифологический «шлейф» вокруг ее личности.

Экстраполяция символических смыслов сказки на реалии жизни, запечатленная в двух документах литературного быта (инскрипте и поздравительном письме), представляет собой собственно восприятие писателя, оперирующего архетипическими символами и образами. В этом понимании мудрость народной сказки, отдельные мотивы которой, нередко пересекающиеся с сюжетами известных мифологических легенд, предстают открытой семантической системой, оставляющей для познающего мир человека перспективу постижения новых «уроков жизни».

Воспоминания Сабашниковой «Зеленая Змея», раскрывая опыт осознания значительной части прожитой жизни с позиции последовательницы учения Рудольфа Штейнера, транслировали сходный модус отношения к мифу. По признанию мемуаристки, сквозь призму сказочного мотива философской сказки Гете «О Прекрасной Лилии и Зеленой Змее» ей раскрылись «прообразы сил», воздействующих на индивидуальный путь человека: «Из этой „Сказки“, — писала художница, — я поняла, как события и персонажи такой истинно инспирированной сказки могут быть образами духовной действительности, как в этих образах можно узнавать силы, действующие в различных планах: в собственной душе, в истории человечества, в мировом свершении. Это совсем не аллегория».⁵⁷ Подобная оптика, обращенная на конкретные обстоятельства жизни, отражала свойства творческого сознания человека эпохи символизма, для которого миф являлся наиважнейшим ключом к постижению жизни и ее высшего смысла.

⁵⁴ Благодарим И. Ф. Данилову за эту идею и изысканное развитие предложенной нами темы.

⁵⁵ Волошина (Сабашникова) М. В. Зеленая Змея. С. 148.

⁵⁶ Блок А. Дневник / Подг. текста, вступ. статья и прим. А. Л. Гришунина. М., 1989. С. 167.

⁵⁷ Волошина (Сабашникова) М. В. Зеленая Змея. С. 159.

Учредители:
Российская академия наук
Отделение историко-филологических наук РАН
119991, Москва, ГСП-1, Ленинский пр., 32а
Телефон: (495) 938-17-63, факс: (495) 938-17-64
oifn@mail.ru; www.hist-phil.ru
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Телефон: (812) 328-19-01, факс: (812) 328-11-40
irliran@mail.ru; www.pushkinskiydom.ru

Журнал зарегистрирован
Министерством печати и информации Российской Федерации
Регистрационный номер 0110194 от 4 февраля 1993 г.

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Телефон/факс: (812) 328-16-01, rusliter@mail.ru; www.pushkinskiydom.ru

Зав. редакцией *И. Ф. Данилова*
Редакторы *О. В. Макаревич, В. В. Филичева, А. Ю. Соловьев*
Корректор *Т. А. Румянцева*
Компьютерная верстка *Е. А. Назаровой*
Оригинал-макет подготовлен ООО «Издательство „Чистый лист“»

Сдано в набор 08.02.23. Подписано к печати 28.04.23. Дата выхода в свет 31.05.23.

Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Гарнитура SchoolBook. Цифровая печать.

Уч.-изд. л. 31. Тираж 220 экз.

Тип. зак. № 16/2а. Цена свободная

16+

Издатель: Российская академия наук
20 экз. распространяется бесплатно
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-131-22
ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»